

Харлан Эллисон

Грааль

Харлан Эллисон

Грааль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157409

Аннотация

Что же это такое-Истинная Любовь? Кристофер Кейпертон всю жизнь посвятил поискам Истинной Любви. Он жаждал её давным-давно, пытался найти её во многих женщинах, даже различал, казалось, её отблески, но теперь...Но теперь он подумал-а что будет с ней делать, когда все-таки её найдёт.

И вот, с помощью магических сил, и спустя много лет, он её нашёл...

Харлан Эллисон

Грааль

Годы спустя, уже, что называется, на пороге зрелости, Кристофер Кейпертон сделал запись в дневнике, который начал вести, когда ему исполнился двадцать один. Запись эта имела непосредственное отношение к событию, о котором Кристофер давным-давно забыл.

Она гласила: «Величайшая трагедия моей жизни состоит в том, что, разыскивая Священный Грааль, который все называют Истинной Любовью, я воображал себя Зорро, романтическим, загадочным разбойником с большой дороги; а женщины, которых я желал, видели во мне поросенка Порки».

Вышеназванное не сохранившееся в памяти событие произошло четырнадцать лет назад, в 1953 году, когда Крису исполнилось тринадцать.

Дело было в День всех святых. На вечеринке, куда не допустили никого из взрослых, кто-то предложил сыграть «в фонарик». Суть игры состояла в следующем: в комнате гасили свет, все разбивались на пары, а паре водящих вручался фонарик. Те, кого луч фонарика заставлял за поцелуем, становились водящими, а все остальные продолжали резвиться в темноте.

Застенчивый Кристофер вызвался водить первым.

В пары ему, как всегда, досталась Джин Кеттнер, которая им восхищалась; сам он ее терпеть не мог. А напротив, у дальней стены, сидела на коленях у Дэнни Шипли, кудрявого блондина, который играл в бейсбол, самая красивая девочка на свете, умопомрачение по имени Бриони Кэтлинг.

Крис Кейпертон желал Бриони Кэтлинг настолько сильно, что буквально исходил слюной.

Еще одно правило игры заключалось в том, что водящий, застав какую-нибудь пару «за этим», имеет право потребовать смены партнеров.

Застенчивый Крис, вынужденный водить вместе с Джин Кеттнер, точно знал, куда нужно светить, но на всякий случай выждал несколько минут, чтобы уже наверняка захватить жертву врасплох.

Естественно, Бриони и Дэнни попались, и Крис потребовал смены партнеров. Из всех четверых восторг ощущал только он. Что касается Бриони Кэтлинг, Кристофер Кейпертон ее совершенно не интересовал; она сходила с ума по Дэнни Шипли.

Но и правила есть правила. Едва погас свет, Кристофер жадно облапил Бриони и потянулся губами к ее губам. Поцелуй пришелся куда-то между губами и носом.

Бриони сдавленно пискнула, вытерла с верхней губы слюну и вырвалась из объятий Кристофера.

За минувшие четырнадцать лет стыд и боль никуда не де-

лись; они прочно обосновались в подсознательном.

По правде говоря, первой любовью Криса была вовсе не Бриони Кэтлинг. В третьем классе он влюбился в мисс О'Хару, которая, когда Крису исполнилось восемь лет, осветила его жизнь, точно мощные прожектора бейсбольное поле. Мальчик любил ее всем сердцем, а на подарок, который преподнес ей на Рождество, потратил все деньги, заработанные осенью на уборке палой листвы. Мисс О'Хара растрогалась и легонько чмокнула Криса в щеку; она и не подозревала, что этот поцелуй вызвал у него эрекцию.

Затем была актриса Хелен Гахаган, которую Кристофер увидел в старом фильме «Она» по роману Райдера Хаггарда. Впоследствии, посмотрев со значительным опозданием «Белоснежку и семь гномов», он убедился с первого взгляда, что Дисней срисовал злобную королеву Гримхильду с Хелен Гахаган в роли Той-комуповинуются. Годы спустя, когда актриса стала Хелен Дуглас и Ричард Никсон во время предвыборной кампании за место в сенате смешал ее имя с грязью, Крис поклялся отомстить и дважды голосовал за противников Никсона.

А за год до того, как Бриони Кэтлинг внушила ему отвращение к самому себе, он влюбился в шведскую актрису Марту Торен, которую видел в «Похождениях негодяя», где она играла вместе с Диком Пауэллом, и в «Парижском экспрессе» с Клодом Рейнсом. С Мартой Торен не шли ни в какое сравнение ни мисс О'Хара, ни Хелен Гахаган, ни даже Бриони

Кэтлинг. В глазах Криса она была воплощением Истинной Любви. Четыре года спустя, через шесть месяцев после того, как Кристофера лишила невинности молодая женщина, лишь отдаленно напоминавшая Марту Торен, он прочел в газете, что актриса умерла от редкой болезни под названием «воспаление паутинной оболочки»; эта болезнь набрасывалась на жертву, точно Джек Потрошитель, и расправлялась с человеком за сорок восемь часов.

В тот день Крис заперся в комнате и разодрал свои одежды.

В феврале 1968 года, находясь в сайгонской штабквартире генерала Уильяма Уэстморленда, двадцативосьмилетний капитан Кристофер Кейпертон неожиданно обнаружил, что Истинная Любовь в физической форме существует на самом деле. Вьетконговцы как раз начали свою знаменитую операцию, Сайгон пылал; не будь у Криса личного джипа с личным водителем, он наверняка застрял бы в городе, поскольку общественного транспорта там не было и в помине, а на такси и на рикшах удирали из Сайгона богачи. Переполненные больницы, пациенты которых лежали в коридорах и даже на лестницах, принимали только тяжелораненых. Мертвецов никто не хоронил, тела валялись прямо на улицах. Однако, несмотря на все это, дела Криса шли неплохо.

Кристофер помогал «джи-ай» справиться со смятением чувств, вызванным войной, которую они дружно презирали. Вместе со своей партнершей и подругой, полукровкой трид-

цати девяти лет, он поставлял бравым американским солдатам марихуану, биноктал и черный опиум с лаосских маковых плантаций.

Качество товара было отменным, поэтому Кристофер и Сирилах Думек процветали. Они даже ухитрились поместить на некий счет в цюрихском банке свыше полутора миллионов долларов (в швейцарских франках), и это за вычетом тех денег, что ушли на докуп всевозможных чиновников!

Крис любил, находясь, что называется, на линии огня, и, заодно с возлюбленной, хотел только одного уцелеть и унести отсюда ноги подобру-поздорову, а потому не испытывал ни малейших угрызений совести по поводу того, чем занимался. Он вовсе не пытался обманывать себя и отнюдь не считал, что действует на благо человечества; просто подпольная торговля придавала жизни некий смысл, позволяла отвлечься от Происходящего. Вдобавок без наркотиков Некоторые солдаты наверняка либо сошли бы с ума, либо перестреляли бы своих командиров.

Впрочем, главным для Криса оставалась любовь.

Сири была маленькой и почти невесомой-он поднимал ее чуть ли не одной рукой. Тонкие черты лица обладали странной особенностью меняться в зависимости от того, под каким углом падает свет. Наверно, Клод Моне нарисовал бы восемнадцать портретов Сири, чтобы запечатлеть истинное выражение лица (помнится, художник сделал ровно столько набросков Руанского собора). Отцом Сири был французский

атташе в Бангкоке, а мать – храмовая танцовщица, которую Думек впервые увидел на празднике по случаю окончания буддийского великого поста. От отца она унаследовала хитрость, без которой не выжила бы на улице, а от матери – та была родом из Чумпона – мелодичный голос с ярко выраженным южным акцентом. О том, как очутилась в Сайгоне, Сири предпочитала не распространяться. На бедрах у нее были рубцы, и Крис невольно вздрагивал всякий раз, проводя по ним пальцами.

Тем вечером в феврале 1968 года они сидели за ужином в своей квартирке на улице Нгуен-Кон-Тру. Снаряд, выпущенный из стодвадцатидвухмиллиметрового орудия, угодил в здание напротив, которое рухнуло, точно срубленное дерево. Вокруг разлетелись осколки, один из которых вонзился в плечо Сири.

Крис даже не заикнулся насчет больницы. Он понимал, что Сири не выдержит спуска по лестнице; что уж говорить о дороге в американский военный госпиталь...

На бинты ушли простыня и все белые теннисные носки, какие нашлись в шкафу. Сири прожила около часа. Все это время они разговаривали, и напоследок она надела Крису единственным даром, которого он и впрямь желал, но не мог добиться – поведала, как найти Истинную Любовь.

– Я знала об этом давным-давно, просто не говорила.

– В деловых отношениях вроде наших не должно быть секретов, – попытался пошутить Крис. – Я к тебе со всей ду-

шой, а ты...

– Любимый, времени в обрез, – прошептала Сири, стискивая его ладонь. – Очень скоро ты снова останешься один. В благодарность за твою любовь я могу дать тебе только одно... Учти, ты-должен поверить мне на слово...

– Естественно.

Сири отправила его на кухню и велела принести пустой флакончик из-под специй. Крис принес бутылочку с этикеткой «Листья кориандра» (центральный рынок закрылся, поэтому пополнить запас приправ не было возможности).

– Наполни флакон моей кровью. И, пожалуйста, не спорь.

Разумеется, Крис согласился далеко не сразу и потерял несколько драгоценных минут, но в конце концов, презируя самого себя, уступил, – Я всегда стремилась к совершенству, – проговорила Сири. – И всегда знала, что совершенство возможно лишь в смерти. – Кейпертон раскрыл было рот, но не успел сказать ни слова. – Молчи и слушай! властно произнесла Сири. – Для каждой женщины существует свой совершенный мужчина, а для каждого мужчины – своя совершенная женщина. Ты – не мой идеал, хотя очень к нему близок. Я никогда не переставала искать; правда, с тех пор как мы встретились, рвения у меня поубавилось. Пожалуй, надо было довольствоваться тем, что есть... Хорошо быть крепким задним умом, верно?

Я знала наверняка, что Истинная Любовь существует на самом деле, что ее можно подержать в руках, посмотреть на

нее и понять... Признаться, я не могла, подобно тебе, отделаться от чувства неудовлетворенности. Ты не обладал моими знаниями, однако каким-то образом догадывался о реальности Истинной Любви. Сейчас я расскажу, как ее найти. Так сказать, извинюсь за то, что не переставала стремиться к совершенству и после нашей встречи...

Слабым голосом, часто переводя дыхание, Сири поведала Крису о предмете, который никто и никогда не описывал, который обнаружили в 1900 году, Когда Эванс начал раскопки Кносского дворца на Крите.

Предмет находился в нише за причудливой фреской на стене «коридора процессий». Как он попал туда, оставалось только предполагать.

Археолог, отыскавший этот предмет, сразу сообразил, что за находка у него в руках. Он бесследно исчез в ту же ночь – очевидно, вернулся в Англию; как бы то ни было, больше его никто не видел. О находке стало известно лишь в 1912 году, со слов Бесси Чапмен, одной из семисот одиннадцати спасенных «Карпатией» с затонувшего «Титаника».

Пассажирка, находясь на грани нервного истощения, по всей видимости, начала бредить. Ее рассказ слышали только те, кто был рядом: товарищи по несчастью и матросы «Карпатии». Судя по всему, Бесси была лондонской шлюхой, которой довелось как-то провести вечерок «с настоящим джентльменом, точно вам говорю»; этот джентльмен и показал ей таинственный предмет. Бесси рассказывала о нем

с таким восторгом, что, когда умерла, почудилось, будто она отошла в мир иной лишь потому, что познала величайшую на белом свете радость.

Впоследствии было отмечено, что один из матросов, ирландец по фамилии Хаггерти, не отходил от умирающей до самого конца и ловил буквально каждое слово.

Когда лайнер вернулся в Нью-Йорк, Хаггерти списался на берег.

Девятого сентября 1914 года сержант Майкл Джеймс Хаггерти погиб в сражении на Ипре. Его вещмешок, в котором рылся немецкий солдат (о чем стало известно со слов очевидца: тот, когда враги заняли позиции союзников, притворился мертвым и по счастливой случайности уцелел), – так вот, вещмешок исчез. Товарищи сержанта утверждали, что спал он всегда с мешком под подушкой, что в мешке, похоже, находилось что-то тяжелое и что однажды ирландец чуть было не сломал руку шутнику, который хотел развязать горловину вещмешка и заглянуть внутрь.

В промежутке с 1914 по 1932 год предмет – никем и никогда не описанный – возникал трижды: в Севастополе у белогвардейского офицера, у некоего голландского авиаинженера и, наконец, у чикагского гангстера – по слухам, того самого, что застрелил Дэймона Обэниона в цветочном магазине на Норт-Стейтстрит.

В 1932 году человек, прибывший в Нью-Йорк сразу после Рождества на открытие мюзик-холла «Рэйдио-Сити», сооб-

шил полицейским, которые наткнулись на него в переулке поблизости от Пятой авеню, что его избили и ограбили, причем украли «самую ценную и прекрасную вещь на свете». Человека доставили в клинику Белльвью, однако сколько ни допрашивали, он так и не описал украденный предмет.

В 1934 году предмет оказался в частной коллекции немецкого архитектора Вальтера Гропиуса, а после того, как Гропиус бежал из нацистской Германии, перекочевал к Герману Герингу. В 1941 году он будто бы находился у доктора Швейцера во Французской Экваториальной Африке, а в 1946-м очутился в числе тех немногих вещей, которые Генри Форд не оставил по завещанию своей корпорации.

До февраля 1968 года его местонахождение оставалось неизвестным. Однако Сири Думек сообщила Крису Кейпертону, как найти загадочный предмет.

У нее имелся свой способ; именно благодаря ему, кстати, она и сумела проследить все перемещения предмета.

Сири отпустила руку Криса, которую во время рассказа стиснула так сильно, что чуть было не раздавила, и попросила принести шкатулку, купленную ей Кейпертоном в Гонконге. Крис выполнил просьбу. Сири прижала шкатулку к груди. Судя по всему, женщине было нестерпимо больно.

– Помнишь блошинный рынок?

– Да, – отозвалась она, закрывая глаза. – Мы держались за руки, чтобы не потеряться в толпе; потом ты отпустил меня, и я страшно испугалась. Тебя не было целых пятнадцатв-ми-

нут...

– И ты запаниковала.

– А когда вернулась к машине, ты сидел за рулем.

– Жаль, что ты не видела своего лица. Какое на нем было написано облегчение!

– Любовь, – поправила Сири. – Именно тогда я почти забыла о поисках идеала. А ты улыбнулся и протянул мне вот это. – Она разжала ладонь и показала ему голубую с золотом шкатулку.

Крис опустился на колени рядом с кроватью, поправил подушку, на которой покоилась голова Сири. Он явно заинтересовался ее рассказом.

– Что такое Истинная Любовь? Как она выглядит?

– Не знаю. Я никогда ее не видела. Слишком дорого обходится... Нужно искать, – Сири помолчала, словно подыскивая нужное слово, такое, которое не напугает Кристофера, – без посторонней помощи.

– Откуда ты все это узнала?

– От своего осведомителя, которого тебе тоже придется отыскать. Будь осторожен, не торопись. Я однажды погорячилась и... – Сири сделала паузу, потом прибавила: – Тебе понадобится моя кровь.

– Осведомитель? Твоя кровь? Я не...

– Нужно воззвать к Адраммелеху, Властелину Третьего Часа.

– Бедняжка, подумалось Крису, к горлу которого подка-

тил комок. Уже бредит. – Крис, я разумею Ангела Ночи.

Затем она попросила кое о чем еще. Озадаченно показав головой, Крис сходил в спальню и принес обитую медью шкатулку, которую Сири называла «бахут».

– Посмотри на нее, – сказала женщина. – Угадаешь, как она открывается? – Крис оглядел шкатулку со всех сторон, но не нашел ни замка, ни защелки. Она сделана из древесины алоэ, а внутри отделана миндалем. Кажется, до тебя по-немногу доходит?

– Сири...

– Чтобы открыть ее, нужен Шургат. Смотри. – Женщина указала на символ, изображенный на крышке шкатулки. – Он не причинит тебе вреда, поскольку его дело – открывать все на свете, и не более того. Возьми мой волос... Пожалуй-ста, Крис, не спорь... Сири уже не говорила, а шептала. Кейпертон подчинился. – Шургат потребует волос с твоей головы, но ты заставь его взять мой. Вот что нужно произнести, чтобы призвать...

Ей пришлось повторить заклинание несколько раз, прежде чем Крис убедился, что она вовсе не шутит и не бредит, что он и впрямь должен записать ее слова.

– Когда бахут откроется, ты сам сообразишь, что делать дальше. Будь осторожен, Крис. Больше мне подарить тебе нечего... – Сири открыла глаза и взглянула на Кейпертона. – Сердишься?

Он отвернулся.

– Любимый, мне очень жаль, что все так случилось, но тут ничего не попишешь. Прости меня, ладно?

Сири вновь закрыла глаза, уронила шкатулку на ковер... Крис остался один.

– Я любил тебя недостаточно сильно, – проговорил он, обращаясь к мертвому телу. – Иначе ты была бы жива.

Легко быть крепким задним умом.

К двадцати пяти годам Крис прочел все, что смог найти относительно загадочной сути любви. Вергилий и Рабле, Овидий и Цяо Вей, «Пир» Платона и все сочинения неоплатоников, Монтень и Иоганн Секунд, а также все стихотворения английских поэтов, от анонимной лирики XIII-XV веков до Ролла, Лидгейта, Уайетта, Сидни, Кэмлиона, Шекспира, Джонсона, Донна, Марвелла, Геррика, Саклинга, Лавлейса, Блейка, Бернса, Байрона, Перси Шелли, Китса, Теннисона, Браунинга и Эмили Бронте. Кроме того, он проштудировал каждый из существующих переводов «Кама сутры» и «Анангаранги», что побудило его взяться за арабских поэтов; он прочел «Душистый сад» шейха Нефзави, «Бехаристан» Джами и «Гулистан» Саади, равно как и анонимный «Тадиб уль-Ницван» и «Зенан-намэ» Фазильбея. Семь арабских трактатов о радостях плотской любви Кейпертон быстро забросил: секс ему был интересен лишь постольку поскольку.

Крис записал в дневнике: «Мы с Конни Холбен занимались любовью, когда неожиданно вернулся домой из деловой поездки ее муж Пол. Увидев нас, он заплакал. Ничего бо-

лее ужасного мне в своей жизни видеть не доводилось. Почему-то вспомнился Иксион, привязанный в Гадесе к вечно вращающемуся колесу – так Зевс покарал его за то, что он посмел домогаться Геры. Больше никогда не прикоснусь к замужней женщине. Оно просто-напросто того не стоит».

В дальнейшем он откровенно избегал текстов, в которых речь шла исключительно о плотских утехах во всем их многообразии. Нет, Крис никого не осуждал; он понимал, что каждый стремится к Истинной Любви по-своему, зачастую сам того не сознавая. Что же касается лично Кристофера Кейпертона, у него особый путь, и нечего тратить время и силы на то, что не слишком интересно.

Крис прочел «Цзинь, Пин, Мэй» в переводе Уэйли, изучил все, что хотя бы пахивало Фрейдом, разыскал «Роскошный цветок Востока» и даже редчайший английский перевод «Веселых рассказов о Константинополе и Малой Азии», перелопатил мемуары Карла Второго, Чарли Чаплина, Айседоры Дункан, Мари Дюплесси, Лолы Монтез и Жорж Санд, обратился к романистам – Моравиа, Горькому, Мопассану, Роту, Чиверу и Броссару, – но установил, что им известно даже меньше, чем ему.

Тогда он принялся разыскивать афоризмы, причем верил каждому слову. Бальзак сказал: «Истинная Любовь вечна и всегда одна и та же. Она чиста и непорочна и не признает насилия; у нее седые волосы и по-юношески горячее сердце». «Разум не в силах управлять любовью», – заметил Мо-

льер. Теренс считал, что «любовь может настолько изменить человека, что друзья с трудом его узнают». Вольтер: «Любовь – это холст, предоставленный нам Природой и расширенный воображением». Ларошфуко: «Когда мы не любим, то часто сомневаемся в том, во что обычно верим».

Но, даже соглашаясь со всеми авторами подряд (хотя каждый видел любовь по-своему – как Природу, Бога, парящую в небе птицу, плотскую радость или суету), Крис признавал, что зрит лишь проблески Истинной Любви. Кьеркегор, Бэкон, Гете, Ницше – все они, несмотря на свою мудрость и грандиозные прозрения, имели об Истинной Любви примерно то же представление, что и обыкновенный работяга.

Крис прочел «Песнь песней» и был ею очарован, но дороги к идеалу не указала и она.

Путь открылся в тот самый вечер в феврале 1968 года. Однако ступить на него было страшно.

Шургат, демон-прислужник Саргатанаса, одного из князей адской иерархии, откликнулся на призыв без малейшего промедления. Крис произнес заклинание с множеством ошибок, но Шургат и не подумал послушаться – ведь он был всего-навсего мелкой сошкой. Правда, добиться от него сотрудничества оказалось нелегко.

Кровью Сири Крис начертил на полу пентаграмму.

Он старался не думать о том, что делает – макает палец в кровь женщины, труп которой, накрытый простыней, лежит на диване, что макать придется не раз и не два, поскольку

кровь густеет, что в линиях пентаграммы не должно быть ни единого разрыва... Просто рисовал, и все. Даже не плакал.

Потом расставил в пяти углах пентаграммы зажженные свечи (к слову, в те дни большинство квартир в Сайгоне освещались именно свечами).

Встав в центр пентаграммы, Крис принялся читать по бумажке заклинание. Сири говорила, что, если он не выйдет за пределы магического узора, все будет в порядке, что Шургат способен только открывать замки и неприятностей от него ждать не следует – если, конечно, Крис не совершит какой-нибудь глупости.

– Заклинаю тебя, Шургат, великим Богом, Творцом всего живого, явиться в пристойном, человеческом обличье, без шума и злобы, и правдиво ответить на все вопросы, которые я тебе задам. Заклинаю тебя этими священными именами! Шурми, Дедьмузан, Атаслоим, Харусихоа, Мелани, Лиамино, Колейон, Парой, Мадоии, Мерлой, Булератор, Донмео, Хоун, Пвяоим, Ибазиль, Меон... – Перечислив еще восемнадцать имен, Кристофер прибавил: – Приди же! Во имя Адонаи, Элохим и Тетраграмматон! Приди!

Из-за реки Сайгон донесся грохот орудий, обстреливавших предполагаемые позиции вьетконговцев. Комнату заволкло мерцающей пеленой, в ней словно вспыхнуло северное сияние.

Крис обнаружил вдруг, что стоит на полированном деревянном полу, хотя и по-прежнему внутри пентаграммы.

Неподалеку виднелись развалины какого-то храма – громадные серые валуны со следами когтей, что оторвали их в незапамятные времена от груди гор.

Из теней выступило нечто и направилось к Крису.

Руки существа волочились по земле. Когда оно приблизилось и на него упал свет, Кейпертон ощутил приступ тошноты и стиснул в кулаке листок с заклинанием, словно надеясь, что тот спасет.

Шургат остановился у пентаграммы, одно козлиное копыто застыло в миллиметре от линии, начертанной кровью Сири. В ноздри Крису ударила омерзительная вонь: судя по всему, он оторвал демона от обеда.

Внезапно облик Шургата изменился. Голова жабы сменилась козлиной, затем, поочередно, змеиной, паучьей, собачьей, обезьяньей и человеческой; наконец демон принял обличье существа, которое невозможно описать.

– Открой замок шкатулки, – приказал Крис, повысив голос, чтобы перекрыть вой неизвестно откуда взявшегося ветра.

Шургат пнул шкатулку, которую Крис, следуя указаниям Сири, оставил вне пентаграммы. На бахут его пинок никак не подействовал, а в пыли, слой которой покрывал пол, появился отпечаток копыта, сразу же начавший дымиться.

– Открой замок!

Шургат подался вперед и выкрикнул что-то на своем языке. Крис ничего не понял. Если бы гиена умела разговари-

вать по-человечески, у нее наверняка получилось бы лучше.

Сири предупреждала, что демон может оказаться несговорчивым, но в конце концов уступит, поскольку выбора у него все равно нет. Вспомнив об этом, Крис перешел к решительным действиям.

– Открывай, сукин сын! – Он невольно содрогнулся, представив, как должны выглядеть демоны могущественнее Шургата. – Открывай, кому говорят!

Из пасти демона вырвался рой личинок, которые, упав на пол, наткнулись на невидимую преграду: пентаграмма и впрямь защищала Криса. Потом он вновь забормотал что-то невразумительное и протянул к Кейпертону клешню. Он явно чего-то хотел.

Крис вспомнил про волос подруги. Сири говорила, что ни в коем случае не следует отдавать демону свой волос, ибо адские твари способны покорить человека, завладев даже такой малостью.

Кейпертон достал волос Сири и ткнул им в демона.

Шургат завопил дурным голосом и отшатнулся. Крис и не подумал убрать руку. Демон указал на него, а затем принялся царапать когтями свое тело, отрывать куски плоти и швырять на валуны. Крис продолжал стоять как стоял, не обращая внимания на выходки Шургата.

– Бери, чертов выродок! Бери и будь проклят! Она умерла ради того, чтобы я отдал его тебе, так что бери и не выпендривайся. Она умерла, слышишь ты, куча дерьма?! Бери или

убирайся туда, откуда взялся!

Внезапно Шургат заговорил вполне понятным языком, да и голос у него вдруг сделался едва ли не мелодичным. Но слова, которые он произносил, принадлежали языку настолько древнему, что им не пользовались уже за тысячу лет до Рождества Христова.

Шургат заговорил на халдейском.

Тем самым он признал свое поражение, признал, что должен подчиниться человеку. Должно быть, ему жутко не хотелось ощутить на своей шкуре гнев Асмодея или Вельзевула, а те наверняка бы разгневались, если бы он вернулся, не исполнив то, за чем его вызывали. Короче говоря, демон принял волос Сири, который мгновенно вспыхнул. Пламя взметнулось к потолку храма. Шургат направил огонь на шкатулку, и та открылась.

Крис торопливо прочел последние слова заклинания:

– Дух Шургат, поскольку ты откликнулся на мой призыв, я позволяю тебе удалиться, если ты обещаешь не причинить своим уходом вреда ни человеку, ни животному. Изыди, но будь готов возвратиться, если тебя призовут по всем правилам магического искусства. Да будет между нами мир Господень. Аминь.

Шургат бросил взгляд на пентаграмму и произнес на вполне сносном английском:

– С пустыми руками я не уйду.

Демон скрылся в тенях, храм заволокло мерцающей пеле-

ной, а мгновение спустя Крис очутился в своей квартире. На всякий случай, чтобы не рисковать, он подождал без малого час и только потом вышел за пределы пентаграммы.

И обнаружил, что Сири была права: бесплатно ничто не делается. Шургат и впрямь не пожелал уйти с пустыми руками. Он унес тело возлюбленной Криса, а то, что осталось вместо него... Крис заплакал. Ему хотелось верить, что произошла подмена, что на диване под простыней лежит действительно не Сири.

Бахут оказался куда вместительнее, чем можно было предположить по внешнему виду. В нем лежали колдовские книги и записные книжки, заполненные почерком Сири, а также талисманы, каменные, серебряные и деревянные руны; фиалы с порошками, волосами, птичьими когтями и тому подобным, причем на каждом фиале имелась своя этикетка; карты, амулеты – все необходимое, чтобы найти Истинную Любовь.

Кроме того, там находились воспоминания Сири о том, что случилось с ней, когда она призвала существо, которое характеризовала как «мерзейшего из злодеев, самого злого из десяти сефиротов, гнусного Адраммелеха». Крис читал до тех пор, пока не заболели глаза и не задрожали руки. Да, это не Шургат; ему никогда не хватит мужества, чтобы вызвать такого духа.

Он запомнил каждое написанное Сири слово и поклялся себе, что продолжит ее дело, начнет оттуда, где остановилась

она. Но с «осведомителем» связываться не будет, слишком уж высокая получается цена.

А пока следует заняться тем самым загадочным предметом. Крис взял бахут и вышел из квартиры на улице Нгун-Кон-Тру, чтобы уже никогда в нее не возвращаться. Деньги у него были, а что касается помощи, он решил обойтись без содействия всяких разных тварей, что ходят, волоча руки по земле.

Оставалось только дожидаться окончания войны.

В 1975 году следы Кристофера Кейпертона обнаружались в Новом Орлеане. Ему исполнилось тридцать пять, он успел жениться, поддавшись минутной слабости, и развестись, когда обнаружил, что жена не в состоянии заменить Истинной Любви.

«Суета сует, – записал он в дневнике. – Бесплодные поиски воплощений, инкарнации, которые не могут удовлетворить настоящего ценителя, ибо никогда не утолят сокровенных желаний».

Однажды ему показалось, что он умирает от малярии, подхваченной в Парамарибо, и Крис услышал собственный голос, проклинающий Сири. Если бы она не заставила его поверить, что Истинная Любовь существует на самом деле, он мог бы удовольствоваться чем-то меньшим. А теперь... Так будь же она проклята во веки веков!

Оправившись от болезни, он устыдился своего поведения. Если вспомнить, кем была Сири, куда отправилась и кто ны-

не повелевает ее духом, вполне можно предположить, что он произнес над ней приговор, какого она вовсе не заслуживала. В конце концов, кому дано познать чужую душу?..

Уволившись из армии в семидесятом, Крис несколько месяцев пытался восстановить прежние связи – с родственниками, друзьями, знакомыми и деловыми партнерами, после чего возобновил поиски, оборвавшиеся в 1946 году.

Ему удалось не только сохранить, но и приумножить свои капиталы. Хотя швейцарские банкиры покончили с тайными счетами, Крис сумел выкрутиться и стал зарабатывать деньги способами, которые не вызывали ни малейших претензий у налоговых инспекторов и прочей жадной до чужих накоплений публики. Завел десяток паспортов, перемещался из страны в страну под разными именами, даже начал воспринимать себя как безымянного космополита, словно со страниц какого-нибудь романа Грэма Грина.

Он искал следы Истинной Любви. Первую подсказку Крис получил от одного из тех, кто в свое время оценивал имущество Форда. Несмотря на почтенный возраст, оценщик, которого Кейпертон разыскал в СанСити, на память отнюдь не жаловался. Самого предмета ему увидеть не удалось, поскольку тот заблаговременно упаковали в ящик со строгим наказом открывать только в крайнем случае. Что ж, если оценщик и врал, то с большим вдохновением, и Крис ничуть не пожалел о деньгах, которые ему заплатил. Правда, ничего полезного не выяснилось, кроме того, что ящик с таин-

ственным предметом достался современнику Генри Форда, бывшему приятелю магната, с которым Форд разругался за пятьдесят лет до смерти.

Кейпертоя остановил, что ящик переправили в Мэдисон, штат Индиана, и что получатель мертв вот уже пятнадцать лет, а содержимое ящика продано с аукциона...

Так все и шло. С места на место, от подсказки к подсказке. И всякий раз выяснялось, что владелец предмета поисков мертв, но успел испытать перед смертью великую радость или великое горе. Святой Грааль постоянно маячил впереди, но казался недостижимым.

Тем не менее Крис не сворачивал с пути и не поддавался соблазну призвать демона по имени Адраммелех. Он знал, что если в конечном итоге сломается, то, даже отыскав Истинную Любовь, уже не сможет ею насладиться.

В январе 1975 года след привел Кристофера Кейпертона в Новый Орлеан. Источник информации уверял, что искомый предмет находится в руках жреца культа вуду, одного из помощников знаменитого Доктора Кота.

В доме на Пердидо-стрит, в комнате, освещенной свечами, Крис встретился с «князем Базилем Тибодо», которого при рождении окрестили просто Уильямом Линком Данбаром. Князь Базиль утверждал, что знал и любил саму Мари Лаво. На вид старому негру было лет шестьдесят, а по его словам – все девяносто два, что, впрочем, представлялось весьма сомнительным. Между тем давно доказано, что

настоящая Мари Лаво, основательница современного культа вуду, умерла 24 июня 1881 года в возрасте приблизительно восьмидесяти пяти лет. То есть за два года до рождения Уильяма Линка, если ему и впрямь девяносто с хвостиком; и за тридцать четыре, если он врет...

Кристоферу было плевать, врет «князь Базиль» насчет своего возраста или говорит чистую правду; его интересовало только то, что тот может сказать насчет Истинной Любви.

Переступив порог комнаты, обагренной пламенем свечей, что отражалось в рубиновых и яшмовых подсвечниках, он был готов заплатить, сколько потребуется – или же, в зависимости от обстоятельств, поведать «князю Базилю», что у него есть пара знакомых, которые за гораздо меньшую плату пересчитают девяностодвухлетнему (или шестидесятилетнему) старику все косточки.

Князь Базиль, очевидно, почувствовал настрой Кристофера, потому что при одном взгляде на гостя посерел от страха.

– Не трогайте меня, мистер, – взмолился он. – Я дам вам все, что вы хотите.

Кристофер покинул дом на Пердидо-стрит с информацией, на которую вполне мог положиться, ибо насмерть перепуганный человек просто не способен лгать. Итак, Уилли Линк Данбар занимался контрабандой и в 1971 году видел загадочный предмет. Описать его он оказался не в состоянии, твердил только, что ничего прекраснее в жизни не видел. Ко-

гда он произносил эти слова, его лицо выражало одновременно страх перед Крисом и радость, навеянную воспоминаниями.

Князь сообщил Крису, как звали контрабандиста, который забрал предмет из лодки. А когда Крис спросил, чего он так испугался, Базиль ответил: «Вы общались с Древними. Стоит мне прикоснуться к вам, и я уженикогда не исцелю ничью душу. Я просто развлекаюсь, а вы... вы играете с огнем».

Крис невольно вздрогнул. А ведь он всего-навсего пообщался с мелкой сошкой, прислужником Адраммелеха!

Свернув с Пердидо-стрит в переулок, Кейпертон остановился и задумался. Что же такое Истинная Любовь?

Он алкал ее давным-давно, пытался найти во многих женщинах, различал проблески, но только теперь подумал, что будет с ней делать, когда все-таки найдет. Достоин ли он Истинной Любви? Кажется, тот, кому суждено найти Святой Грааль, должен быть чист во всех отношениях, не ведать ни страха, ни сомнений, ни скверны. Рыцари на белоснежных скакунах, святые, защитники веры – вот кандидаты на подобную честь. Красавица всегда достается Прекрасному Принцу, а не поросенку Порки.

Скверна, скверна... Пожалуй, на пути к совершенству он зашел слишком далеко и познал чересчур много.

Впрочем, он подступился к Истинной Любви ближе, чем кто-либо до сих пор. Кстати, даже те, кто обретал ее, не зна-

ли, как с ней быть. А Крис сознавал, что способен слиться с Истинной Любовью воедино, чего пока не удавалось никому. Никому из тех, кто владел ею на протяжении тысячелетий, сколь бы они того не заслуживали.

Кристофер Кейпертон знал, что его судьба – взять в руки Истинную Любовь. Человек, спознавшийся с демонами и не отбрасывающий тени, оставил окрестности Пердидо-стрит и двинулся прочь.

Последняя подсказка лежала, что называется, на поверхности. Истинную Любовь продали на аукционе «Сотбис» в апреле 1979 года. Ныне она принадлежала человеку, который жил выше большинства людей – в небоскребе окнами на Нью-Йорк (а чуть ли не восемь миллионов горожан ежедневно задумывались над тем, где скрывается Истинная Любовь).

Имя этого человека Крис нашел в записных книжках Сири. В 1932 году он побывал в Нью-Йорке на открытии мюзик-холла «Рэйдио-Сити», и тогда у него украли таинственный предмет. На то, чтобы вернуть похищенное, у него ушло сорок семь лет. Вдобавок за минувшие годы он стал чудовищно богатым и могущественным и начал вести жизнь затворника.

Снова дома, снова дома, трата-та-татата.

Кристофер бросил взгляд на обложку журнала «Эсквайр» за декабрь 1980 года. С обложки улыбалась женщина в соблазнительном подвенечном платье. Фотография относи-

лась к статье под названием «В поисках жены», подпись гласила: «Кругом столько красивых и умных женщин. Почему же так трудно найти хотя бы одну?» Крис улыбнулся при мысли, что подобная фотография, только мужская и с соответствующей подписью, вполне могла бы появиться и на обложке женского журнала.

Фотомодель, которую выбрали для снимка, выглядела невинно-трепетно – и обольстительно. Ее запечатлели в миг бесконечного совершенства. Будь Кристофер не собой, а кем-нибудь другим, эта фотография наверняка стала бы для него воплощением Истинной Любви.

А так она оказалась всего-навсего последней в ряду других снимков, фильмов и зрительных впечатлений, полученных на городских улицах. И потом, зачем ему воплощение, если сегодня вечером он получит оригинал, возьмет в руки Истинную Любовь?

Кристофер рассовал по вместительным карманам плаща фиалы из бахута и покинул отель. На улице было прохладно, с реки задувал ветер. Завтра скорее всего пойдет снег. Что ж, приблизительно так он и представлял себе день, в который завершатся его поиски.

Кристоферу Кейпертону было сорок лет.

Взятки сделали свое дело. Дверь котельной оказалась не заперта; Дубликат ключа от лифта, как и договаривались, лежал на полочке. Криса никто не остановил. Он поднялся наверх и зашагал по темному коридору, сверяясь с планом, ко-

торый держал в руке. Где-то в отдалении хлопнула дверь.

Вскоре Крис оказался в хозяйской спальне. Посреди комнаты, которую освещал ночник, стояла огромная кровать, на ней лежал умирающий.

Кейпертон затворил за собой дверь. Человек на кровати открыл ярко-голубые глаза и посмотрел на Криса.

– Мой мальчик, запомни: молчание нельзя купить ни за какие деньги. Все остальное можно, а молчание нельзя. Всегда найдется тот, у кого рот шире, чем сумма, которую ты ему предлагаешь.

– Если бы я предполагал, что из этого что-то выйдет, то попробовал бы с вами договориться, – с улыбкой сказал Кристофер, подходя к кровати. – По профессии я вовсе не вор.

Старик возмущенно фыркнул:

– То, что тебе нужно, не продается.

– Я так и думал. Но подумайте вот о чем: с собой вы ее все равно не заберете, а я эту штуку ищу давнымдавно.

– Мой мальчик, мне плевать, сколько ты ее ищешь! Старик усмехнулся. Судя по всему, сил у него оставалось достаточно. – В любом случае не дольше моего.

– Вы разыскивали ее с Рождества 1932 года.

– Так, так. Вижу, ты выучил домашнее задание.

– Я заплатил не меньше вашего.

– Меня это не касается. Тебе никогда ее не найти.

– Она здесь, в этой комнате. В сейфе.

– А ты умнее, чем я думал. – Глаза старика удивленно

расширились. – Между прочим, я нарочно не предпринимал никаких дополнительных мер безопасности – хотел посмотреть, на что ты способен. Но, должен признать, не догадывался, что ты узнаешь про сейф.

– А я узнал.

– Хотя, если вдуматься, какая разница? Тебе все равно его не обнаружить, а даже если и найдешь, то не откроешь. – Старик кашлянул, улыбнулся и продолжил, глядя в потолок: – Он спрятан так, что тебе никогда не найти. А если и найдешь, то упруешься в бетонную стену шести футов толщиной, усиленную молибденовым сплавом. Еще там две оболочки, толщиной каждая в фут; одна из углеродистой высокохромистой стали, другая – из кремниево-марганцевой стали, плюс шестидюймовая прокладка из вольфрамохромованадиевой быстрорежущей инструментальной стали. Дверь сейфа покрыта нержавеющейкой, под ней полтора дюйма чугуна, тринадцать с половиной дюймов закаленной стали, а внутри этого пирога – шарниры. Вдобавок на двери двадцать задвижек – шестнадцать по бокам, две вверху и две внизу. Коробка сделана из вольфрамомолибденового сплава и залита бетоном, который укреплен расположенными крест-накрест стальными прутьями. – Старик снова кашлянул и добавил, безмерно довольный собой: – Дверь заделана заподлицо, так что в щель не просунуть и нитки.

– Полагаю, это еще не все? – осведомился Крис, состроив унылую физиономию. – Наверняка где-то стоит термо-

стат, который сработает при повышении температуры... например, если я включу газовый резак.

– Молодец, хорошо соображаешь. – Старик широко усмехнулся, но его лицо понемногу утрачивало румянец, а веки так и норовили сомкнуться. – Кстати, через пол пропущен ток.

– Сдаюсь, – проговорил Крис. – Ваша взяла.

Однако старик услышал только первую фразу. Вторую Кристофер произнес, уже обращаясь к самому себе.

– С другой стороны, – продолжил Кейпертон, – нет такого замка, который нельзя было бы открыть.

Он немного постоял у кровати, разглядывая последнего владельца Истинной Любви, который, судя по виду, умер не слишком печальным и не слишком счастливым. Потом отошел на середину комнаты, опустился на колени, достал из кармана фиал с этикеткой «Кровь Хеломи», откупорил и принялся рисовать пентаграмму. Закончив, расставил по углам свечи, зажег, встал в центре магического узора и начал читать по бумажке полученное двенадцать лет назад заклинание.

Шургат явился без промедления.

На сей раз он не пожелал увести Криса в иное измерение – комната осталась такой же, как была.

– Зачем я тебе понадобился так скоро? – произнес демон тем же голосом, каким разговаривал перед тем, как забрать тело Сири.

К горлу Криса подкатила тошнота. В прошлый раз он оторвал Шургата от обеда, а сейчас – от того, что считалось у демонов, по-видимому, плотскими утехами. Шургат и не подумал, откликаясь на вызов, расстаться со своей подружкой, которая явно не принадлежала к человекоподобным существам. У Криса мелькнула шальная мысль: а что, если она была человеком и?.. Он не рискнул додумать мысль до конца.

– Что значит «скоро»? Прошло двенадцать лет.

– Как быстро летит время, – проговорил Шургат, на животе которого возникло ухмыляющееся человеческое лицо. Подружка демона застонала и задержалась в конвульсиях.

– Открой сейф, – велел Крис, стараясь не обращать внимания на подружку Шургата.

– Ты должен мне помочь, один я не справлюсь, – прошипел демон.

– Еще чего! Давай открывай.

– Ты должен... – начал было демон.

Крис сунул руку в карман, нашарил листок с заклинаниями и принялся читать:

– Именем Властелина адских глубин заклинаю тебя беспрекословно повиноваться моим словам и внимать им, как приговорам в день Страшного Суда, а иначе...

Из-под чешуек демона выступила кровь, на груди расплылось фиолетовое пятно.

– Я повинуюсь, повинуюсь! – перебил Шургат и протянул

лапу за волосом.

Крис вручил ему волосок из лисьей шкуры, который немедля вспыхнул. Шургат направил пламя к потолку, в котором вдруг открылось отверстие, а центральная секция пола, на которой стоял Крис, пошла вверх. Когда Кейпертон, поднявшись на гидравлическом лифте, очутился в комнатке над спальней, демон направил пламя на стальную дверь сейфа, и та торжественно распахнулась, открывая доступ к содержимому хранилища.

Крис прочел заклинание, отсылавшее демона обратно в преисподнюю. Перед тем как исчезнуть, Шургат вкрадчиво произнес:

– О могущественный хозяин, позволь сделать тебе подарок.

– Нет! Больше мне от тебя ничего не нужно.

– Клянусь князем Адраммелехом, хозяин, мой подарок тебе просто необходим.

Крису стало страшно.

– И что же это за подарок?

– Значит, ты согласен его принять?

Кейпертону внезапно вспомнились слова Сири: «Он не причинит тебе вреда, поскольку его дело – открывать все на свете, и не более того. Но будь осторожен».

– Да, согласен.

У границы пентаграммы неожиданно возникла лужа с грязной водой, а демон превратился в насекомое с челове-

ским лицом, осклабился и кинул: «Смотри», после чего стал стремительно уменьшаться в размерах и наконец исчез. А в луже Крис увидел...

Увидел сцену из фильма под названием «Гражданин Кейн». 1940 год. Расположенный на одном из этажей небоскреба офис старика по фамилии Бернштейн. Перед стариком сидит репортер Томпсон, который хочет узнать, что означало последнее произнесенное Чарлзом Фостером Кейном слово – «розанчик»?

– Может, он имел в виду какую-нибудь девушку? говорит Бернштейн после непродолжительного раздумья. – В молодые годы...

– Вряд ли, мистер Бернштейн, – возражает явно удивленный Томпсон. – Едва ли мистер Кейн вспомнил бы на смертном одре девушку, с которой был лишь шапочно знаком...

– Вы слишком молоды, мистер... э-э... Томпсон, – перебивает Бернштейн.

– Никогда не скажешь наперед, что человек помнит, а что забыл. Возьмите, к примеру, меня. В 1896 году я плыл на пароме на Джерси. Наш как раз выходил из гавани, а другой шел навстречу. – Эверетт Слоун в роли Бернштейна мечтательно смотрит в окно. – На нем я заметил девушку. Белое платье, в руке белый зонтик... Я видел ее одно мгновение, однако прошел целый месяц, прежде чем эта девушка перестала являться мне во сне. – Он победно улыбается. – Понимаете, к чему я клоню?

Вода помутнела, вновь стала грязной, и Кристофер очутился в комнатке над спальней наедине со страхом. Ему было страшно от того, что узнал он, пожалуй, слишком много.

Внезапно он вообразил себя марионеткой, движениями которой управляет некая безымянная сила, что повелевает всеми людьми на свете, заставляет их плясать под свою дудку, искать недостижимое, обещает Святой Грааль и не дает ни сна, ни покоя.

Даже если нитки почему-то рвутся и смертные волею случая оказываются на свободе, в конце концов они неизбежно возвращаются к своему хозяину, чтобы снова оказаться на привязи. Лучше плясать под напевы дудки, что лжет об Истинной Любви, чем признать, что людиодиноки, что им никогда не найти то, к чему они стремятся. Стоя в центре пентаграммы, Кристофер подумал о девушке, чья фотография украшала обложку «Эсквайра». Девушка, которой на самом деле нет. Истинная Любовь. Западня, галлюцинация. По щекам побежали слезы, и Крис раздраженно потряс головой. Ничего подобного, Истинная Любовь существует! Она здесь, за порогом хранилища, в нескольких шагах. Ибо если ее не существует, за что тогда умерла Сири?

Он вышел из пентаграммы, приблизился, не поднимая головы, к двери хранилища, переступил порог. От спрятанных в стенных нишах ламп исходил неяркий свет.

Кристофер медленно поднял голову. Посмотрел на отделанную серебром и драгоценными камнями подставку и

узрел Истинную Любовь.

То была громадная чаша, напоминавшая спортивный кубок. Полтора фута в высоту, на поверхности выгравировано изящными буквами с завитушками «Истинная Любовь». Чаша светилась собственным светом и слегка отливала медью.

Кристофер Кейпертон стоял опустив руки и боролся с желанием расхохотаться во весь голос. Он сознавал, что, если засмеется, остановиться уже не сможет, и те, кто придет утром за телом старика, обнаружат и его, смеющегося и плачущего одновременно.

Что ж, он преодолел множество препятствий, чтобы разыскать этот предмет, а потому заберет его. Кристофер приблизился, протянул руку к чаше – и только тут вспомнил о прощальном подарке демона.

Шургат не смог прикоснуться к Кристоферу Кейпертону, но все же добился, чего хотел.

Крис заглянул в чашу и увидел на поверхности бурлившей внутри серебряной жидкости лик Истинной Любви. Сначала то было лицо его матери, потом, сменяя друг друга, промелькнули лица мисс ОХары, бедной Джин Кеттнер, Бриони Кэтлинг, Хелен Гахаган, Марты Торен и той девушки, с которой он утратил невинность; дальше пошли все женщины, которых он когда-либо знал, и среди них Сири, затем появились лица жены и красотки с обложки «Эсквайра». Наконец возникло лицо непередаваемой красоты, возникло и осталось.

Это лицо было ему незнакомо.

Годы спустя, на пороге смерти, Кристофер Кейпертон записал в своем дневнике мысль, которая относилась к поискам Истинной Любви. Это была цитата из японского поэта Танаки Кацуми: «Я знаю, что мой лучший друг появится после моей смерти и что моя возлюбленная умерла до того, как я родился.

В миг, когда Кристофер узрел лик Истинной Любви, он осознал все коварство демона, преподнесшего ему такой подарок. Достичь величайшей радости в жизни, понять, что вот оно, мгновение наивысшего блаженства, что ничего более радостного, более светлого уже не произойдет – и жить дальше, не стремясь больше к вершине, поскольку та покорена, а всего лишь потихоньку спускаясь по склону.

Благословение – и проклятие.

Кристофер постиг, что подобное с ним произошло отнюдь не случайно. До чего же мучительно, до чего же больно сознавать, что иной чести он попросту недостоин!

К сожалению, хорошо быть крепким задним умом.